

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

О ЕМСКОЙ ТЕОРИИ ШЕГРЕНА И ЕЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЯХ

(К статье Д. В. Бубриха «Не достаточно ли емских теорий?»)

Выдающийся советский ученый Д. В. Бубрих, многократно выступавший против исторических построений финляндских буржуазных ученых, и в своей последней предсмертной работе возвысил свой голос против враждебных нам теорий происхождения финноугорских народов, и против протаскивания враждебной идеологии в советской исторической литературе. Присоединяясь к основным положениям этой работы, я хочу дополнить ее некоторыми материалами и соображениями исторического и историографического характера¹.

1. О теории Шегрена

Чтобы объяснить, как и почему возникла емская теория Шегрена, кроме сведений, приведенных выше Д. В. Бубрихом, необходимо также проследить, как шло изучение еми в исторической науке до Шегрена. Тогда причины появления этой теории и ее общий смысл станут более ясны.

Русские ученые XVIII века упорно, но безуспешно старались выяснить, где обитало племя емь, часто упоминаемое в русских летописях в IX—XIII вв., а с XIII века исчезнувшее со страниц письменных источников. Заслуга разрешения этого вопроса принадлежит видному русскому ученому начала XIX столетия, основателю русской науки о истории Финляндии, академику А. Х. Лербергу². Лерберг установил, что «емь» русских летописей — это главное финское племя «Ня́те», издавна жившее в южной Финляндии и составившее основное ядро современного финского народа. Изучение ранней истории Финляндии, до тех пор проводившееся шведскими и финляндскими учеными лишь на основе отрывочных сведений западных источников, Лерберг направил по новой дороге: он привлек к изучению ранней финской истории наиболее богатый источник — русские летописи. На основе ясных сведений летописей

¹ Д. В. Бубрих во время моей последней беседы с ним предложил мне изложить свои соображения о теории Шегрена в виде дополнительной заметки к его статье; это пожелание Д. В. Бубриха я счел своим долгом выполнить.

² А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб., 1819 (первые изданы в 1816 г.), стр. 83. Ср. мою работу «Емь и Новгород в XI—XIII вв.» (Ученые записки Лен. гос. университета, серия историч. наук, вып. 10, Л., 1941), где излагается аргументация Лерберга. Там же дается и краткий критический обзор теории Шегрена.

Лерберг установил, что главное финское племя емь задолго до начала шведского завоевания Финляндии, с XI и до середины XIII века было подвластно древнерусскому государству и испытывало политическое и культурное влияние древней Руси.

Открытие Лерберга коренным образом противоречило тем представлениям о истории Финляндии, которые веками воспитывались шведской властью среди финляндцев и стали к XIX веку традиционными. Шведские колонизаторы еще с XVI столетия воспитывали в среде финляндского населения идею о том, что история Финляндии начинается с шведского завоевания XII—XIII вв., принесшего «варварским» финским племенам свет «передовой» европейской культуры. Новые материалы, поднятые Лербергом, показывали напротив, что начальный этап истории Финляндии¹ связан не с Швецией, а с Россией, и что шведское завоевание — не начало, а второй этап финляндской истории.

Открытие Лерберга было особенно неприятно господствующим классам Финляндии — шведскому дворянству и нарождающейся финской буржуазии, воспитанным в течение столетий шведскими властями в духе враждебности к России и русскому народу. Правда, после присоединения Финляндии в 1808—09 гг. к Российской империи благодаря особым условиям, в которые было поставлено население Финляндии в составе России, прежде всего — в результате сохранения всех прав и привилегий господствующих классов, значительная часть финской буржуазии и местного шведского дворянства приняла новую власть и стала пересматривать свои старые позиции. Но реакционная часть правящих классов осталась на прежних позициях, скрыто-враждебных России. Воспитывавшиеся шведскими властями в течение столетий антирусские настроения сохранились в значительной мере и в среде финляндской интеллигенции (которая состояла в то время в большинстве из финляндских шведов, и всю свою деятельность осуществляла на шведском языке). Эти-то настроения реакционной части финляндских господствующих классов и интеллигенции и выразил Шёгрэн, выступивший в 1832 году против Лерберга с новой теорией о первоначальном обитании еми.

Сам Шёгрэн большую часть своей жизни провел в Петербурге и в путешествиях по России, и почти вся его деятельность протекала в стенах Российской Академии Наук; поэтому, мы с полным правом можем считать его русским ученым. Как крупнейший финноугровед XIX столетия и один из основателей (в русском и в европейском масштабе) финноугорского языкознания, Шёгрэн принадлежит к числу ученых, которыми по праву гордится наша отечественная наука². Но Шёгрэн был сыном своего времени, имел не только сильные, но и слабые стороны, и, отмечая заслуги Шёгрена, мы должны раскрыть и отрицательные моменты его деятельности.

Шёгрэн в молодые годы учился и воспитывался в Финляндии, в Або-ском университете, в среде шведской интеллигенции, вышедшей из рядов местного шведского дворянства, настроенной враждебно к России и

¹ Мы бы сказали сейчас: «начальный этап политической истории; но, по представлениям начала XIX века, здесь дело шло вообще о начале всего исторического пути Финляндии, ибо жизнь страны в эпоху первобытно-общинного строя в понятие «история» в те времена не включалась.

² О научной деятельности Шёгрена и ее роли в развитии языкознания и истории финноугорских народов см. Д. В. Бубрих. Финноугорское языкознание в СССР. «Финноугорский сборник». Л., 1928, стр. 86—92; А. И. Андреев. Обзор русских исторических работ по изучению финноугорских народностей СССР. Там же, стр. 271, 273, 284, 286—287, 294—295, 301—302.

остро переживавшей только что происшедшее (в 1809 г.) поражение Швеции. С этой средой Шёгрэн не порывал связи и впоследствии, когда он переселился в Петербург; и в 20-е и начале 30-х гг. XIX века, уже живя в Петербурге, Шёгрэн, благодаря своим связям с абоской и гельсингфорской шведофинляндской интеллигенцией продолжал испытывать влияние реакционных кругов финляндской буржуазии и дворянства.

Исследование Шёгрена о местообитаниях еми (1832) было написано им, как прямой ответ на статью Лерберга на ту же тему (изданную на 16 лет раньше). Прямая связь обеих статей явствует из их названий. Исследование Лерберга (в его немецком издании) носило название: «Über die Wohnsitze der Jemen» — «О местообитаниях еми»; Шёгрэн назвал свою работу «Über die älteren Wohnsitze der Jemen», т. е. «О древнейших (или: «О более древних...») местообитаниях еми»¹.

В своей работе Шёгрэн признал установленное Лербергом пребывание еми в Финляндии², но — лишь с середины XII столетия; до середины XII столетия, по мнению Шёгрена, еми в Финляндии еще не было³. И затем Шёгрэн строит длинную цепь доводов, стремясь доказать, что еми обитала первоначально не в Финляндии, а в юго-восточном Приладжье⁴ и в юго-западной части Заволочья⁵, и что лишь в середине XII столетия под натиском русских она переселилась в Финляндию⁶. Часть еми, по мнению Шёгрена, была при этом оттеснена не на запад, а на восток, в район Вычегды и Яренска, там осталась и впоследствии слилась частью с пришедшим русским, частью — с местным пермским населением⁷; небольшая третья часть еми, согласно Шёгрэну, осталась в Приладжье и образовала впоследствии вепсский народ⁸.

Отправной точкой для построения Шёгрена послужило ошибочное указание Татищева на наличие в Заволочье в XI веке еми⁹. Шёгрэн сам сознавал непрочность подобного основания; по его словам, «мнение Татищева мы можем в лучшем случае признать лишь проблематичным и должны искать другие доказательства...». В поисках доказательств он использовал и произвольно им толкуемые письменные источники, и топонимику, и фольклор, и т. д., но ни одного безусловно достоверного датированного исторического факта в подтверждение своей теории найти не смог; все его построение так и осталось гипотезой, не основанной на прочных фактах.

Несмотря на это, емская теория Шёгрена сыграла немалую роль в развитии науки о истории Финляндии. Финляндские буржуазные историки не стали разбираться в доказательствах, ибо по **политическим причинам** общие положения Шёгрена оказались крайне нужны для финляндской буржуазной науки.

¹ J. A. Sjögren. Über die älteren Wohnsitze der Jemen. Gesammelte Schriften, Bd I. СПб., 1861, стр. 461—513 (впервые издана в 1832 г.).

² Там же, стр. 464.

³ Там же, стр. 465, 475; ср. стр. 414—415.

⁴ Там же, стр. 474—475, 481, 490, 498.

⁵ Там же, стр. 465—466, 474—481, 484—485, 490—492, 504—513; особенно см. стр. 481 и 509.

⁶ Там же, стр. 484; ср. стр. 504—513, 414 и 330.

⁷ Там же, стр. 484; ср. стр. 429.

⁸ Там же, стр. 472—474 и прим. 48.

⁹ В. Н. Татищев. История Российская, т. II, СПб., 1768, стр. 131 (в известии о походе Глеба Святославича 1079 г. в Заволочье), и стр. 416, прим. 246. Из последнего указания, где Татищев отождествляет еми с бярмами видно, что оба указания сочинены самим Татищевым, плохо представлявшим себе этнографическую карту Севера IX—XI вв. и спутавшим два совсем различных народа.

В чем политический смысл теории Шёгрена?

Столь неприятные для финляндских реакционных кругов сведения о подвластности эми Русскому государству, собранные в работе Лерберга, относятся в значительной своей части к XI и первым десятилетиям XII века, причем к этому периоду относятся сведения наиболее ясные и бесспорные¹; более поздние известия, взятые в отдельности², без ранних сведений, серьезным доказательством подвластности эми древней Руси служить не могут³. Ранняя группа сведений охватывает период до 40-х годов XII в.; от 1137 г. имеется бесспорное известие о подвластности эми (грамота Святослава Ольговича), а под 1142 г. зафиксировано в летописи первое враждебное выступление эми против Руси, в 1149 г. повторенное. Как раз 40-е годы XII века Шёгрэн и избрал в качестве рубежа. Согласно его теории, все известия о эми до 40-х годов XII в. (т. е. наиболее ясные сведения о подвластности эми) относятся к эми Приладожья и Заволочья, находившейся под властью древней Руси. И напротив, сведения после начала 40-х годов XII века, касающиеся эми, совершающей нападения на русские пределы, относятся к той части эми, которая (притом, согласно Шёгрэну, под натиском русских) переселилась в Финляндию.

Таким образом эми, живущая в Финляндии, согласно Шёгрэну, никогда не была под властью древней Руси, отношения финляндской эми с Русью характеризуются только враждой (взаимными нападениями)⁴.

В результате, созданная Лербергом теория о начальном русском периоде истории Финляндии объявляется опровергнутой и «подтверждается» правильность традиционной концепции шведской феодальной историографии, начинавшей историю Финляндии с «благодетельного» шведского завоевания. И в противовес Лербергу, признававшему мирные формы отношений русских и эми до середины XIII века, теорией Шёгрэна подводится научная база под буржуазно-националистическую идею о якобы исконной враждебности финнов к России.

Итак, емская теория Шёгрэна, хотел этого или не хотел ее автор⁵, объективно выполняла политический заказ реакционных кругов буржуазии и дворянства Финляндии. Теория Шёгрэна враждебна России и русскому народу.

Теория Шёгрэна была «принята на вооружение» финляндской буржуазной наукой. Опираясь на огромный в то время авторитет Шёгрэна,

¹ Известия о походах на эми с очевидной целью наложить дань или удержать эми в даннической зависимости — в летописи под 1042 и 1123 гг.; упоминание эми в числе племен, платящих дань Руси, — во введении к Повести временных лет, составленном в начале XII в.; упоминание эми в числе подвластных территорий в грамоте новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г.

² Эти сведения излагаются в моей статье «Эми и Новгород», стр. 100—104, под №№ 3—9.

³ Но, в то же время, поздняя группа сведений в соединении с ранней группой дают ясное свидетельство длительной зависимости эми от древней Руси.

⁴ Шёгрэн, видимо, так и рассуждал: раз эми в 1142 г. нападает на Русь — значит, это уже эми, живущая в Финляндии.

⁵ Нет достаточно серьезных оснований считать, что Шёгрэн был сознательно враждебен России и что он вполне сознавал политический смысл своей теории. Шёгрэн провел на службе России более 30 лет жизни, и в своих работах по истории Севера (не касавшихся Финляндии) обычно выступал с позиции русской науки; в этих исследованиях терминами «мы», «наши» (и касательно прошлого, и касательно современности) обозначались русские.

Но, вне зависимости от его субъективного отношения к России, во время создания своей «емской» теории Шёгрэн находился под стихийным влиянием воспитавшей его реакционной шведо-финляндской среды; поэтому, объективно его теория оказалась националистической и враждебной России.

финские буржуазные ученые XIX века не сочли нужным проверять его аргументацию и стали считать основные положения его теории бесспорной истиной. Опубликованная как раз в то время, когда началась подготовка первых обобщающих работ по истории Финляндии, теория Шёгрена прочно вошла в финскую буржуазную науку, и ее влияние косвенно ощущается до сих пор.

Теория Шёгрена позволила буржуазным ученым одним махом отказаться от целого периода истории Финляндии, связанного с историей древней Руси. Благодаря теории Шёгрена, финские буржуазные ученые смогли объявить все сведения о политических связях эми и древней Руси относящимися к эми Приладожья и Заволочья. Благодаря Шёгрелю, авторам первых печатных общих работ по истории Финляндии Коскинену и Рейну удалось разработать такую концепцию финляндской истории, в которой ни словом не говорится о зависимости эми в XI—XIII вв. от древней Руси, и отношения между собственно-финскими племенами и Русью до шведского завоевания изображаются в форме постоянной и исконной вражды¹. Эта концепция затем прочно вошла в финляндскую буржуазную историческую науку и сохранилась до наших дней. И уже очень скоро финские историки перестали даже ссылаться на Шёгрена, считая аксиомой, что сведения о политических связях древней Руси и эми не относятся к Финляндии, и что, следовательно, эти сведения вовсе не нужно вспоминать².

Теорию Шёгрена финские буржуазные ученые (за немногими исключениями) перестали признавать лишь в XX столетии, когда накопилось огромное количество фактов, свидетельствующих о пребывании эми в Финляндии с первых веков н. э. и опровергающих мнение Шёгрена о позднем переселении эми на Финский полуостров. К тому же, в XX веке даже для финских буржуазных ученых стало ясно отсутствие сколь-нибудь серьезных доказательств былого пребывания эми в юго-восточном Приладожье и Заволочье. В последние десятилетия теория Шёгрена финскими учеными забыта³.

¹ G. Z. Yrjö-Koskinen. *Finnische Geschichte*. Leipzig, 1874 (впервые издана в 1869 г.); G. Rein, *Föreläsningar öfver Finlands historia*. Bd I. Helsingfors, 1870. Рейн, прогрессивный буржуазный ученый, вначале критически относился к теории Шёгрена, понимая шаткость ее доказательств; первоначально в своем курсе лекций (первом курсе лекций по истории Финляндии) Рейн критиковал Шёгрена и не признавал его теории; но в последние годы жизни, под влиянием все усиливавшегося в середине XIX века финского буржуазного национализма, Рейн должен был принять теорию Шёгрена и соответственно перестроить свой курс. В печатном издании материал изложен в соответствии с теорией Шёгрена; но, поскольку автор не успел перед смертью привести рукопись своих лекций в окончательный вид, в одном месте сохранился первоначальный текст, где теория Шёгрена не признается (Bd I, s. 14).

² Первым перестал ссылаться на Шёгрена уже в 80-е годы младший современник Коскинена Шюбергсон (*Finlands historia*, Bd I, 1888). В последующих общих работах по истории Финляндии — в работах Форстрема, Линдквиста и др. начальные периоды финляндской истории излагаются в той же концепции и без всяких ссылок на Шёгрена. И даже в XX веке, когда теория Шёгрена о эми в Приладожье и Заволочье перестала признаваться (см. ниже), общая концепция ранней истории Финляндии, в свое время основанная на теории Шёгрена, была сохранена.

³ Последние два случая использования теории Шёгрена в финляндской буржуазной исторической литературе произошли два десятилетия назад — в работах Миккола. „*Novgorodernas krigståg till Finland intill år 1311*” (*Historisk tidskrift för Finland*, 1 27, ss. 65—69) и Хорнборга „*Finlands kristning*” (*Kyrkohistorisk årskrift*, 1930, s. 202), причем последний даже не имел ясного представления о теории Шёгрена и ссылался на указанную выше работу Миккола. С тех пор, насколько мне известно, в финляндской буржуазной науке теория Шёгрена уже не применялась.

Теория Шёгрена оставила некоторый след и в русской буржуазной науке.

Русские буржуазные историки не заметили враждебную России-направленность концепции Шёгрена. Огромный научный авторитет, которым пользовался Шёгрэн в XIX веке, заставил нескольких русских буржуазных ученых поверить его теории, поверить на-слово, не проверяя доказательств. Поверили на-слово Шёгрэну Соловьев, Барсов, Огородников, и некоторые другие,¹ а особенно составители исторических карт; с тех пор в течение более ста лет, с упорством, достойным лучшего применения, составители русских исторических карт всегда отмечают емь по Шёгрэну — на Свири и в Заволочье.

В XX веке, кроме составителей исторических карт, теорию Шёгрена в русской науке уже не вспоминали; теория эта, казалась, умерла своей естественной смертью, ни разу даже не подвергаясь критике². И десять лет назад, когда я писал свою статью о еми, «кончина» теории Шёгрена казалась настолько очевидной, что я даже не видел необходимости всерьез заниматься разбором этой теории. Но оказалось, что я ошибался. В 1947—48 гг. уже умершая было теория Шёгрена неожиданно нашла еще одного (надо надеяться — последнего) своего продолжателя в лице Н. И. Шишкина, автора двух работ о происхождении коми-пермяков³.

Н. И. Шишкин сделал попытку гальванизировать теорию Шёгрена, подкрепить ее новыми, более современными доказательствами, и использовать в решении этногенетических проблем Северо-Востока европейской части нашей страны.

2. О концепции Н. И. Шишкина

Вначале необходимо дать вкратце общую характеристику работ Н. И. Шишкина (чтобы показать читателю, что использование Шёгрена — не случайный срыв автора)⁴.

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 1, стр. 205—206. — Н. П. Барсов, Очерки русской исторической географии. Варшава, 1873, стр. 49—52. — Е. К. Огородников. Прибрежья Ледовитого и Белого морей по книге Большого чертежа. Зап. Имп. Русск. Геогр. о-ва по отд. этногр., т. VII, СПб, 1877, стр. 11—19. — Статья «Емь» в обоих изданиях Энцикл. Словаря Брокгауз-Ефрона, и др. — Поверили Шёгрэну и два русских историка, специально занимавшихся историей еми, — Гиппинг (Нева и Ниеншанц, СПб., 1909, т. I, стр. 52—53) и Костомаров (Севернорусские народоправства, т. I, СПб., 1868, стр. 410). Но Гиппинг и Костомаров поверили лишь в якобы установленный теорией Шёгрена факт былого пребывания еми в южном Приладожье и Заволочье, но не в позднее переселение еми в Финляндию. Все известия письменных источников о политических связях еми и древней Руси Гиппинг и Костомаров относили к еми, живущей в Финляндии.

² Первую серьезную критику этой теории дает Д. В. Бубрих в публикуемой выше статье.

³ Н. И. Шишкин. Коми-пермяки. Молотов, 1947, гл. I: «К вопросу о происхождении коми-пермяков» (остальная часть книги носит описательно-географический характер). — Е го же. Происхождение коми-пермяков и истоки коми-пермяцкой культуры. Сборник «Коми-Пермяцкий национальный округ», изд. Ин-та географии Академии наук, М.—Л., 1948, стр. 107—124.

⁴ Поскольку вторая работа является лишь несколько измененным вариантом первой (при сохранении всех основных положений), нет необходимости характеризовать каждую работу в отдельности.

При разборе работ Шишкина я получил ряд ценных указаний от проф. А. И. Попова, которому выражаю за это свою благодарность.

На первый взгляд обе работы производят серьезное впечатление. Здесь и «гриф» Академии наук (правда, Института географии, не имеющего прямого касательства к историческим вопросам), и ссылки на классиков марксизма, и, казалось бы, обильный материал из сферы разных наук, в том числе — из области лингвистики. Но все это — лишь внешний фасад, за которым скрывается весьма несолидное содержание.

Автор, географ по специальности (кандидат географических наук и в 1947—48 гг. — старший научный сотрудник Института географии), имея ограниченный кругозор в области истории¹, взялся за разрешение одной из самых сложных научных проблем — проблемы этногенеза. Исследование вопросов этногенеза Н. И. Шишкин решил произвести в значительной мере на основе установок Н. Я. Марра. В результате, обе работы Шишкина написаны на низком теоретическом уровне, содержат большое число неверных положений и ошибок, и весьма далеки от требований, предъявляемых сейчас советской наукой.

Для решения проблем этногенеза народов, поздно получивших письменность, советские историки обычно берут за основу материалы археологии, дополняя их сведениями лингвистики, фольклора, антропологии и т. п. Археологические данные (в этом их преимущество) освещают не надстроечные явления, а базис данного племени или народа — его хозяйство и социальные отношения; археологические данные показывают территорию племени, освещают происхождение и развитие его материальной культуры. Археологические данные имеют решающее значение для выяснения вопроса об автохтонности или пришлом характере изучаемого племени или народа.

Задача Н. И. Шишкина значительно облегчалась тем, что вопрос об этногенезе коми-зырян и коми-пермяков в основных своих чертах советскими археологами уже разрешен. В исследовании советского археолога М. В. Талицкого² установлено, что коми и коми-пермяцкий народы образовались в X—XII в. в результате автохтонного развития племен Верхней Камы, Вычегды и соседних земель в течение I тысячелетия н. э. Выводы Талицкого подтверждаются антропологическими и историко-археологическими исследованиями Н. Н. Чебоксарова³. Поскольку советскими учебными проблема была в основном разрешена, Н. И. Шишкину оставалось лишь изложить своими словами трактовку проблемы об этногенезе коми, содержащуюся в этих работах, в лучшем случае дополнив ее новыми

¹ Об этом говорит ряд грубых ошибок и нелепостей, содержащихся в тексте обеих работ: изобретенные автором «статус Орхана», «верховая богиня-мать» (ездящая верхом!) на стр. 120 в его статье, «валютная ценность» пушнины в X столетии (!) — на стр. 118, неоднократно упоминаемая «генеократия» (вместо «гинеократия») и т. д. О слабых научных представлениях автора говорит его стремление представить коми потомками по боковой линии чуть ли не всех древних народов восточной Европы — скифов, сарматов, хазар и легендарных исседонов, тиссагетов, аргиппаев, аримаспов (упоминаемых греческими писателями).

² Исследование М. В. Талицкого, погибшего во время Великой Отечественной войны, в полном виде публикуется только сейчас. Но основные результаты этого исследования были уже опубликованы в 1941 г. в статье Талицкого «К этногенезу коми» в кратких сообщениях ИИМК, т. IX, стр. 47—54. Те же материалы и выводы изложены в тезисах диссертации Талицкого «Верхнее Прикамье в X—XIV вв.» (Краткие сообщения ИИМК, т. XIII, 1946, стр. 156—158). Ср. также: А. П. Смирнов. Прикамье в первом тысячелетии н. э. Труды Гос. Историч. Музея, т. XIII, М., 1938, стр. 149—155; О. Н. Бадер. Археологические памятники Прикамья. Молотов, 1950, стр. 78—79.

³ Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии. «Сов. этнография», 1946, № 2. Его же. Этногенез коми в свете антропологических данных. Краткие сообщения ИИМК, т. IX, 1941.

данными археологии, лингвистики, этнографии и т. п. Но такой подход Н. И. Шишкина не устроил, ибо ему хотелось обязательно самому решить проблему этногенеза коми. Поэтому он отбрасывает археологию, уделяет археологическим данным всего несколько строк и берет за основу отдельные слова, случайно выхваченные из коми-языка, и случайные факты из топонимики. На такой «основе» делается ответственный вывод об автохтонном происхождении коми народов¹. По убедительности доводов работы Н. И. Шишкина стоят еще на уровне буржуазной науки XIX века (когда также на базе топонимики решались проблемы происхождения племен и народов).

Наиболее порочен главный пункт построения Н. И. Шишкина, освещающий проблему происхождения народа коми на основе своеобразной теории происхождения термина «пермь»². Автор берет встречающуюся в некоторых древнерусских текстах исторически более верную по его мнению форму «Перемь» (в действительности это просто полновласная форма слова «Пермь») и доказывает, что этот термин будто бы является результатом скрещения двух племенных названий «пер» и «емь». А отсюда, по мнению автора, следует, что и коми народ, носивший в древности название «пермь» («перемь») есть результат скрещения племен «пер» и «емь».

Утверждаемая автором существенная роль племени емь, как одного из двух компонентов коми-народа,— это прямое следование теории Шёгрена, еще 120 лет назад говорившего о слиянии заволочской еми с пермским племенем³.

Существование отдельного племени «пер» доказывается автором сложным и малоубедительным путем на основе отдельных слов коми-языка и топонимики. Особенно слабы доказательства существования в бассейне Вычегды племени емь и роли этого племени в сложении коми народа (являющиеся попыткой подкрепить теорию Шёгрена новыми данными). Первый аргумент автора — материалы топонимики — заимствован у Шёгрена, а его «убедительность» уже отмечена выше Д. В. Бубрихом. Второй аргумент — якобы установленные коми-языковедом В. И. Лыткиным черты сходства коми-языка с языками западных финнов. В. И. Лытин высказал это мнение 25 лет назад, и с тех пор его не поддерживал; никаких доказательств этого мнения у Шишкина не приводится. Видимо, речь идет просто о каких-то чертах сходства, общих для финноугорских языков. Третий аргумент — отмеченные Н. Н. Чебоксаровым среди населения бассейна р. Вымь антропологические типы балтийского круга, что якобы доказывает родство этого населения с финнами. Но, по данным того же Н. Н. Чебоксарова, антропологические типы балтийского круга распространены по всему

¹ Сам по себе тезис об автохтонности коми народов вполне правилен и уже давно доказан в работах советских ученых (Талицкий, Смирнов, Чебоксаров). Но из материалов Н. И. Шишкина этот вывод никак не вытекает, ибо он основан лишь на случайных и недатированных фактах. Лингвистические материалы могут иметь существенное значение для решения проблемы этногенеза только в том случае, если привлекаются не отдельные случайно выхваченные из языка слова, а результаты всестороннего изучения данного языка (как это имеет место в работах Д. В. Бубриха о происхождении карельского народа). Топонимические материалы, поскольку время их возникновения установить невозможно, при решении проблем этногенеза могут играть лишь вспомогательную роль, и никак не могут служить базой для ответственных выводов.

² В книге — на стр. 18—19, в статье — на стр. 121—122.

³ Sjögren, op. cit., стр. 484. Шёгрэн считал, что емь жила на Вычегде. Оттуда же выводит свою емь и Шишкин.

северо-западу Восточной Европы от Белоруссии и Литвы до Белого моря¹. Ни один из этих аргументов не датирован, и при ближайшем рассмотрении все они оказываются несерьезными. Остается лишь основа всего построения — порочная, давно изжившая себя, враждебная России теория Шёгрена².

У нас нет оснований упрекать Н. И. Шишкина в злом умысле. Видимо, он просто плохо представлял себе, что такое емь. Но незнание — не оправдание для ученого. Объективные результаты его построения налицо. Свою книгу о коми-пермяках Н. И. Шишкин начал с выступления против буржуазных теорий, утверждавших, что коми и коми-пермяки — это финноугорские народы в широком смысле этого слова³. А в конце исследования он приходит к выводу, что коми и коми-пермяки — прямые потомки собственно-финнов — племени емь⁴. Этот вывод не только порочен в научном отношении — он вреден политически.

Надо надеяться, что работы Н. И. Шишкина явятся последним рецидивом теории Шёгрена, и что эта порочная и вредная теория больше не воскреснет.

Настоящая работа уже находилась в печати, когда на страницах газеты «Правда» развернулась дискуссия по вопросам языкознания и были опубликованы статьи тов. Сталина «Относительно марксизма в языкознании» и «К некоторым вопросам языкознания». Данная товарищем Сталиным ясная и четкая марксистская оценка основных положений «нового учения» Н. Я. Марра позволяет гораздо глубже разобратся в работах, следовавших или пытавшихся следовать за марровскими теориями, в частности, и в работах Н. И. Шишкина.

Н. И. Шишкин в своих работах выступает, как догматический приверженец Марра; для него каждое положение Марра, каждое, даже самое фантастическое построение Марра безусловно истинно уже потому, что оно сказано «самим» Марром.

В сложной и заумной лингвистической теории Н. Я. Марра Шишкин, видимо, не вполне ясно разбирался (впрочем, в построении Марра часто вообще было трудно разбираться, и винить в этом Н. И. Шишкина не приходится). Но, тем не менее, Н. И. Шишкин заимствовал у Марра все, что смог взять для своих работ об этногенезе коми. Прежде всего, взята у Марра «теория скрещения». Раз по Марру все народы — результат скрещения, Н. И. Шишкин искусственным образом конструирует теорию скрещенного происхождения коми (пер + емь)⁵. Племенное название «емь» Н. И. Шишкин производит от одного из пресловутых марровских четырех элементов — «иен»⁶. У Марра заимствована также его попытка отнести к определенным доньне существующим племенам и народам указанные Геродотом названия племен, живших к северу от Скифии. Хотя эта гипотеза Марра не была принята советскими учеными ввиду

¹ Н. Н. Чебоксаров. Этногенез коми по данным антропологии, стр. 56—57.

² Автор почему-то нигде не ссылается на Шёгрена, давая ссылки лишь на В. И. Лыткина.

³ «Коми-пермяки», стр. 10.

⁴ Та же тенденция преувеличить финское влияние на народы коми заметна еще в одном месте его статьи (стр. 118), где говорится, что сношения с финнами (суоми) и карелами наложили «глубокий отпечаток» (курсив мой — И. Ш.) на современный язык, культуру и быт народов коми.

⁵ Об этом — см. выше.

⁶ Цит. статья, стр. 121.

ее явной фантастичности, Н. И. Шишкин считает данную гипотезу безусловной истиной и использует в своих построениях¹. Использует Н. И. Шишкин и еще более фантастические попытки Марра связать путем «смелых» лингвистических махинаций этноним «коми» и язык коми со скифами и доказать участие скифского элемента в формировании коми-народов. В частности, заимствовано Н. И. Шишкиным марровское объяснение рассказа Геродота о маленьком скифском племени, бежавшем из Скифии куда-то на север; по ничем не обоснованному мнению Марра это племя будто бы переселилось на место зырян. Н. И. Шишкин, развивая мысль Марра, заставляет скифское племя переселиться с берегов Азовского моря прямо на Урал, на территорию современного Коми-Пермяцкого национального округа, где это племя будто бы дало начало иньвенской группе коми-пермяков². Заимствовано, кроме того, и стремление Марра видеть в каждом древнем названии имя тотемов (тотемных богов); таким путем объясняются термины «Кама», «Коми», «Печора» и др. Наконец, использован и марровский тезис о классовом характере языка; по мнению Н. И. Шишкина, вымский и восточно-камский диалекты, отраженные в древнепермской письменности, были диалектами одного социального слоя — местной знати (социальной верхушки)³.

В целом, работы Н. И. Шишкина — наглядный пример того, какую вредную путаницу в науке вносила теория Марра⁴.

¹ «Коми-пермяки», стр. 27—31.

² Там же, стр. 31—34.

³ Там же, стр. 42.

⁴ В свете всего, сказанного выше, вызывают удивление рецензии на книгу Шишкина, опубликованные в 1948—49 гг. в некоторых журналах. Все три рецензии дали книге Шишкина положительную оценку. Особенно восторженный отзыв дали о книге географы П. В. Погорельский («Советская книга», 1948, № 1) и В. В. Покшишевский («Известия Географического общества», 1949, вып. 3). Географических разделов книги Шишкина оба географа-рецензента почти не коснулись, поскольку эти разделы, по их компетентному мнению, не дают ничего нового. Зато все внимание Погорельского и Покшишевского уделено главе об этногенезе. Сведения обоих рецензентов о проблеме этногенеза и, в частности, о проблеме этногенеза коми, видимо, в основном были почерпнуты из той же рецензируемой книги. Оба рецензента-географа, особенно — П. В. Погорельский, были вполне убеждены «смелыми» построениями Шишкина и целиком (Погорельский) или в основном (Покшишевский) одобрили его этногенетическую концепцию. Более осторожно была написана рецензия В. Н. Белицер («Советская этнография» 1948, № 3). Этнограф по специальности, знакомая (в отличие от рецензентов-географов) с установками советской науки в вопросах этногенеза и с проблемами этногенеза народов Приуралья, В. Н. Белицер дала правильную критику наиболее фантастических построений Шишкина. Но все же, и В. Белицер дала в общем одобрительную оценку книги, объявив ее положительным вкладом «в дело изучения народа коми». Коренные пороки книги Н. И. Шишкина впервые заметил лишь покойный проф. Д. В. Бубрих.